

Сѣверныя Аѳины

— исторія съ географіей —

(предбанная память)

Я называю мою память — «предбанной», потому что изъ предбанника вся эта «исторія съ географіей». Ходили мы въ Вологдѣ въ баню втроемъ, займемъ номеръ : П. Е. Щеголевъ, В. В. Савинковъ и я. И какъ, бывало, тру спину Павлу Елисеевичу, а онъ пѣсни поетъ — голосъ у него звучалъ въ пару особенно, съ наливомъ и такъ звонко, всѣ сосѣди, бывало, всполошатся и главный банщикъ ихъ унимаетъ; Борисъ Викторовичъ молчкомъ моется, аккуратный, ни кипяткомъ не обдастъ, ни холодной плеснетъ; а я все на скорую руку, безъ очковъ со слѣзу мнѣ и шайки не найти, а какъ выйду одѣваясь, тутъ воть у меня и разыгрывается — и я сочиняю.

1.

ОЛИМПЪ И ПАРНАСЪ.

Нигдѣ во всемъ мѣрѣ нѣтъ такого неба, какъ въ Вологдѣ, и гдѣ вы найдете такія краски, какъ рѣки красятся, — только вологодскія. Полуночное солнце въ бѣлыя ночи — вонъ, гляди! голубая и алая плыветъ Вологда — Вологда, Лея, Сухона, Луза, Югъ, Вычегда, Сысола. А зимой въ сѣверное сіяніе — небо пополамъ! и надъ бѣлой (на сажень ледъ!) скованной рѣкой льется багровое, какъ июньская полночь, а зеленѣе самой суздальской муравы, а ужъ красное — красная сѣверная ягода. А ко-

гда на сутки версть дремучій берегъ заглядится дикой розой, смотришь, и не знаешь, точно съ иллюстраціа къ гриммовской волшебной сказкѣ «Спящая красавица». А эти розовые пески между Устюгомъ и Сольвычегодскомъ и эти бѣлыя алебастровыя горы по Сѣверной Движѣ къ Архангельску! Или осенью, когда цвѣтутъ сырые кустатые мхи яркими персидскими цвѣтами — да что! надо видѣть глазами и чувствовать, и никакими словами этого не скажешь.

За неповторяемость и единственность красокъ «время года» — какая громаднѣйшая весна и серооградусная лютя зимой! — Вологда подлинно Сѣверныя Аонны. А въ началѣ этого вѣка (невѣроятно, вѣдь такъ недавно, а какъ тысяча лѣтъ!) такимъ именемъ «Аонны» звалась ссыльная Вологда, в слава о ней гремѣла во всѣхъ уголкахъ Россіи, гдѣ хоть какая была самая правая революціонная организація, а гдѣ ея не было!

Вологда — «Сѣверныя Аонны» и за ландшафтъ, и за свой Олимпъ и Парнасъ.

*

Въ Кувшиновѣ подъ Вологдой въ сумасшедшемъ домѣ докторомъ Александръ Александровичъ Богдановъ (Малиновскій), авторъ «Курса политической экономіи» и «Гласъ Ильича» въ Россіи. А ушелъ А. А., на его мѣсто О. А. Антекманъ — членъ «Земли и Воли» и «Чернаго Передѣла», одинъ изъ организаторовъ группы «Народное право» († 1926).

Въ Кувшиновѣ же съ А. А. Богдановымъ и Марьей Богдановной — Анатолій Васильевичъ Дуночарскій, авторъ «Брадобрея», наркомъ по просвѣщенію, а тогда только что выступившій въ литературѣ подъ псевдонимомъ Анатолій Анютинъ («Русская Мысль»), женатъ на сестрѣ А. А. Богданова Аннѣ Александровнѣ. «Между первымъ и вторымъ блюдомъ пишеть по акту!» — такъ говорили про Дуночарского за его письменную кипучесть. Изъ первыхъ его поэмъ мнѣ вспоминается: «Она умерла...»

На Галкинской-Дворянской въ домѣ костела — Борисъ Викторовичъ Савинковъ († 1925), женатъ на дочери Г. И. Успен-

скаго Вѣрѣ Глѣбовнѣ, и у нихъ дѣти : Тая и Вита. Тогда еще не авторъ «Кояя блѣднаго», а, какъ и Луночарскій, только что выступившій въ литературѣ подъ псевдонимомъ В. Канинъ (Московский «Курьеръ»). И около Савинкова — Борисъ Николаевичъ Моисеенко (†), кротчайшій человекъ, впоследствии членъ «боевой организаціи» у Савинкова.

На Желвунцовской — самъ Павелъ Елисеевичъ Щеголевъ, авторъ изслѣдованія «Сказанія Афродитіана о чудѣ въ Персидѣ», редакторъ «Былого», голова «Музея Революціи», писавшій тогда театральную хронику подъ псевдонимомъ П. Павловъ. На той же Желвунцовской — Вѣра Григорьевна Тучалская, переводившая К. Тетмейера (Изд. В. М. Саблина, М.) и Павелъ Луничъ Тучалскій (†). А потомъ Юлія Григорьевна Топоркова, др. Чиликаевъ, Владимиръ Валерьяновичъ и Любовь Николаевна Татариновы и сынъ Любови Николаевны Миша Черновъ. И по сосѣдству — Адамъ Діонисіевичъ Рабчевскій (†), о которомъ шла слава, какъ о будущемъ знаменитомъ адвокатѣ («на одномъ собраніи два часа безъ передышки говорилъ!»), писалъ стихи, но не печаталъ, занимался, какъ помощникъ, у б. ссыльнаго прие. пов. Николая Васильевича Сигорскаго (†), женатаго на Аннѣ Александровнѣ (†).

Въ единственной «первоклассной» гостиницѣ въ «Золотомъ Якорѣ» жилъ Николай Александровичъ Бердяевъ, авторъ «Субъективизма», нашъ знаменитый философъ, въ ту пору увлеченный «Женщиной съ моря» и «Геддой Габлеръ» (статья его въ «Мірѣ Божьемъ»), переходилъ отъ марксизма къ идеализму. И по сосѣдству съ Бердяевымъ — Іосифъ Александровичъ Давыдовъ, авторъ «Такъ что же такое, чертъ возьми, экономическій матеріализмъ?». А за Давыдовымъ — Борисъ Эдуардовичъ и Любовь Александровна Шель, Марья Вильямовна Кистяковская и Снѣжки.

Въ «Колоніи» въ домѣ Киришина (что-то въ родѣ коммуны) неподалеку отъ «Золотого Якоря» : Ольга Гермогеновна Смедовичъ, Николай Михайловичъ Юновъ, Зоя Владимировна Александрова и дядя Яша Принцевъ — Яковъ Васильевичъ (воспи-

танникъ въ Чудовѣ у Г. И. Успенскаго), по своей добротѣ превосходявшій всѣхъ : его лицо и улыбка сіяли круглый годъ веселымъ вологодскимъ солнцемъ! Всѣ они работали въ статистику подъ начальствомъ Петра Петровича Румянцева. Въ «Колоніи» же одно время жила Елена Михайловна Крумзе (†), очень напоминавшая Марью Михайловну Шкапскую, и тоже стихи писала, но не такіе, а изъ рядовой жизни : что увидить, то и описать. И еще : Анфуса Ивановна Смирлова, Анна Николаевна Рождественская и Брновицкая — статистички. А наискосокъ отъ «Колоніи» б. ссыльный прис. пов. Владимиръ Анатольевичъ Ждановъ и Надежда Николаевна. А отъ нихъ два шага Людмила Викторовна и Отто Христіановичъ Аусемъ, бывшій консулъ въ Парижѣ : съ лица мрачный, а на самомъ дѣлѣ веселый человѣкъ, и какъ, бывало, примутся съ П. Е. Щеголевымъ пѣсни пѣть — Павелъ Елисеевичъ «чтобы ей угодить, веселѣй надо жить!» а Отто Христіановичъ «на ней большой брилліантъ блестяль!» — мертвого подымутъ!

На Ивановской — штурманъ Николай Константиновичъ Мукаловъ, награжденный серебряными медалями за спасеніе утопающихъ. А этажомъ выше — Іосифъ Доминиковичъ Космипскій, старый слесарь, и два его сына, одного звали Мячикъ. А по сосѣдству Щербановы и музыкантъ Жилияскій.

За Соборомъ Василій Васильевичъ Бадуливъ, пензенскій книжникъ — «Фогтъ и Мошотъ», напоминавшій мнѣ Павла Владимировича Беневоленскаго (†); и тамъ же тоже пензякъ Вячеславъ Алексѣевичъ Карпинскій, редакторъ московской «Вѣдноты», и Сарра Наумовна Равичъ, наркомъ вездѣлѣ Сѣверной Коммуны, а потомъ зав. Отд. Управленія Петросовѣта и зав. Наркоминдѣломъ въ Петербургѣ, и Войткевичъ.

За Острогомъ старый статистикъ Сергій Николаевичъ Суворовъ, Иванъ Акимовичъ Некленаевъ, Бороздичъ, Русановъ. Между Острогомъ и «Золотымъ Якоремъ» Саммеръ, кратчайшій, какъ Моисеенко. И тамъ же Маноцковъ и его жена Анна Маноцкова, сестра Брновицкой, Анна Николаевна Щепетова и князь Аргунинскій съ женой и дочерью Серонусей, что значить «любовь».

По Вологдѣ ходилъ хромой ссыльный ксендзъ, авторъ «Сна Паря», и пирогежнякъ Петрашкевичъ, первый хористъ и заѣвало : голосъ, какъ у знаменитаго василеостровскаго книгочя — у Якова Петровича Гребенщикава, изо всѣхъ одинъ ведегъ и ни съ кѣмъ не спутаегъ — алыійскій рожокъ. Былъ одно время А. В. Амфитеатровъ, стоялъ въ «Золотомъ Якорѣ», но его никто не видѣлъ, только шубу, о шубѣ и говорилась.

*

Въ Устьсысольскѣ : Федоръ Ивановичъ Шеколдинъ († 1919); авторъ «Электрическаго Солнца» и повѣсти «Голчиха» (отрывокъ изъ нея напечатанъ въ «Дѣлѣ Народа», 1918) и съ нимъ : Александръ Ивановичъ Петровъ, Андрей Петровичъ Завадскій, Тупальскій, Янъ Янушкевичъ, Адольфъ Белза, Савицкій, Михаилъ Кирилловичъ Биринчикъ съ женой и Логачъ.

Въ Кадниковѣ : Бѣлоусовы Петръ Ильичъ и Ольга Васильевна.

Въ Великомъ Устюгѣ : Викентій Андреевичъ Дрелингъ (†) и Зинаида Павловна, урожд. Цурикова, Вѣлцкій, Н. Разказовъ, Адамовичъ, Серебряковъ, Курицыны и Тепловскій.

Въ Красноборскѣ : др. Заливскій и Любовь Семесовна и Бебка, ихъ сѣмь; на Печорѣ — др. Севастьяновъ.

Въ Сольвычегодскѣ : Казимиръ Людвиговичъ Тышка († похороненъ въ Сольвычегодскѣ). (О немъ особенная память : человекъ тончайшей души и одаренный; моя мечта : то немного, что осталось, — «рассказы» — издать отдельной книгой съ портретомъ; какое прекрасное лицо!). И тамъ же — Николай Павловичъ Буличъ, Казимиръ Адамовичъ и Зинна Ивановна Петрусевичъ, др. Петръ Евграфовичъ Полонскій, Фултиковъ, Юліанъ Маріановичъ Малиневскій, Александръ Алексѣевичъ и Вѣра Владимировна Ванновскіе, Дмитріевскій, ветеринаръ Николай Ивановичъ Русевъ, Скулимовскій съ женой и дочкой, два брата Стечкиныхъ Павелъ и Вячеславъ, Александръ Владиславовичъ Цверчакевичъ, Поморцевъ, Зюковъ и Евреинновъ — «у котораго было 22 обьска!».

*

Срокъ ссылки три года. Усидѣть на одномъ мѣстѣ нѣтъ никакой возможности — осточертѣть! — и обыкновенно передвигались : изъ Яренска и Устьсысольска въ Сольвычегодскъ, изъ Сольвычегодска въ Великій Устюгъ, а потомъ въ Тотму либо въ Кадниковъ и, наконецъ, въ Вологду, или прямо въ Вологду.

Возрастъ ссыльныхъ отъ 17-ти до 40 и выше. Всѣхъ партій, какія только есть, и такіе, ни подо что не подходящіе, или еще «не выявившіеся».

Если которые на Олимпъ не мѣтили и на Парнасъ не совались, то и безъ «именъ» всякій чѣмъ-нибудь выдѣлялся : Н. М. Юзовъ извѣстенъ былъ, какъ изобрѣтатель конспиративныхъ прятокъ : въ лѣтній вологодскій зной онъ появлялся въ непромокаемомъ плащѣ, а это означало — какая-нибудь конспиративная сигнализация; или, и не рыболовъ вовсе, а ходить по улицамъ съ удочками, и никакъ не поймешь, чего эта удочка, а онъ себѣ знаетъ и, вонечно, тотъ, кому нужно, смекнетъ! Тоже и другіе, кого ни возьмешь, не безъ искусства : Третьяковъ — охотникъ на лыжахъ, Б. Ф. Шенъ — на велосипедѣ, Цандеръ — гармониястъ, Квиткинъ — зоологъ, Кварценъ — клигокунъ! — получить вспомоствованіе, другой бы на его мѣстѣ флм себѣ купилъ, ветчины тамъ или огурцовъ, а этотъ трахъ — на всѣ книги, и опять безъ денегъ. А вотъ — Николай Ивановичъ Маливинъ : ходила молва, будто для закала «сиживалъ въ муравейникъ» и большой любитель иностранныхъ словъ, «ораторъ». Тоже и Бабкинъ — этотъ умѣлъ такъ русскую плясать, ни одинъ Фокинъ не угонится, а ужъ Фокинъ свое дѣло понимаетъ. Ну, и Моцѣевскій, и Моцъ, и Пьянковскій тоже чѣмъ-то отличались. И если искусствомъ не возьмешь, какой-нибудь афоризмъ или замѣчаніе все покровить : дядя Яша Принцевъ, никакой не философъ, а какъ-то находясь въ прекрасномъ кругу статистичекъ, не безъ глаза замѣтилъ : «Почему, — сказали дядя Яша, — в 17-ть лѣтъ не думаютъ, какъ одѣться, а въ 27 наряжаются?».

*

Въ Вологдѣ жилъ датскій писатель Аггей Андреевичъ Маделунгъ (Aage Madelung, авторъ «Jagt paa Dyr og Mennesker»). Часто навѣщаль Иванъ Платоновичъ Каляевъ (†1905) : по соудству, въ Ярославлѣ, служилъ онъ корректоромъ въ газетѣ «СѢверный Край». Пріѣзжала Бабушка-Брешковская, Лидія Осиповна Цедербаумъ (Данъ), сестра Мартова, Евгенийъ Николаевичъ Чириковъ — доброй души хорошій человекъ, рассказы читаль! — Всеволодъ Эмильевичъ Мейерхольдъ и Аркадій Павловичъ Зоновъ († 1922), Богдаль Александровичъ Кистяковскій (†). А изъ Грязовца Александръ Константиновичъ Левашовъ (†), въ дни молодости при побѣгѣ Кропоткила былъ у него за кучера, и сохранившій до старости лѣтъ революціонный запаль, и какъ начеть, бывало, рассказывать, и такъ живо и съ такой страстью, Савинковъ корчился.

Всѣ книги, выходившія въ Россіи, въ первую голову посылались въ Вологду и не въ книжный магазинъ Тарутина, а къ тому же П. Е. Щеголеву. И было извѣстно все, что творится на бѣломъ свѣтѣ : изъ Арзамаса писалъ Горькій, изъ Полтавы Короленко, изъ Петербурга Д. В. Философовъ, онъ же высылалъ и «Міръ Искусства», А. И. Шахматовъ, П. Б. Струве, Д. Е. Жуковскій, а изъ Москвы—В. Я. Брюсовъ, Ю. К. Балтрушайтисъ и Леонидъ Андреевъ. Между Парижемъ, Цюрихомъ, Женевой и Вологдой былъ подлинно «прямой проводъ».

Близкое и живое участіе въ дѣлахъ серьезныхъ принимала Ольга Кудрявая.

*

Я попалъ въ Вологду при исключительныхъ обстоятельствахъ. Мѣсто, мнѣ назначенное — Устьсысольскъ, я годъ и прожилъ въ Устьсысольскѣ, а потомъ получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Вологду для освидѣтельствованія у доктора-спеціалиста по глазамъ. Пріѣхаль я въ Вологду — пять сутокъ плыль на Халинов-

скомъ Ангартѣ! — я сразу попалъ на Парнасъ. (Выступилъ я въ литературѣ позже, въ одинъ годъ съ Савиновымъ и Луначарскимъ въ Московскомъ «Журьерѣ» у Леонида Андреева и въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» у Брюсова).

Если Луначарскаго подковыривали, будто онъ всю бумагу извелъ у Поди Тарутана — такое недержаніе писать! — меня корили въ другомъ :

Павель Лукичъ : «У Ремизова все есть : я языкъ, и форма, не достаётъ только...» (*заннулся*)

Петръ Ильичъ : (*вспохватъ*) «Смысла».

Павель Лукичъ : «Совершенно вѣрно — конечно, смысла!»

И все-таки эта моя отличительная особенность не помѣшала мнѣ заскочить въ самое гнѣздилище Парнаса, гдѣ сидѣлъ Бердяевъ и Луначарскій, а распорядился Щеголевъ. Между прочимъ, воложка изъ почтенія называли его не иначе, какъ «академикъ Щеголевъ», нѣкоторые же, ну, Соломонъ Леопольевичъ Сегаль, хозяинъ часового магазина, гармонистъ и неистощимый остроумецъ, прибавляли для еще пущаго гнѣса «почетный», а Константинъ Лукичъ, оберъ изъ «Золотого Якоря», еще и «потомственный», что звучало совсѣмъ по-лѣсковски : «высоко-оберъ-кренпопобіе».

Сволѣчь меня съ Парнаса и отправить назадъ въ Устьсысольскъ грозилъ всякую минуту : разрѣшеніе было выдано на два мѣсяца, а эти два мѣсяца давнымъ давно прошли. Про это зналъ и полицеймейстеръ Слезкинъ и прокуроръ Слетовъ и жандармскій поручикъ Булаховъ. Только одинъ губернаторъ могъ переменить рѣшеніе. А для этого требовалась уважительная причина.

Пустить меня одного самостоятельно съ губернаторомъ объясняться, значить, все дѣло испортить — никогда въ моей жизни не умѣлъ я разговаривать съ высокопоставленными лицами, даже такъ скажу, съ «князьями обезьяньими» мнѣ не по себѣ, теряюсь или такое понесу, не дай Богъ, да что я, въ самомъ дѣлѣ, скажу, какую-такую причину : я и у доктора-спеціалиста не былъ и никакого глазного свидѣтельства у меня нѣтъ...

Причина? — А такая всегда была. И нечего было далеко ходить и копать. Про это всё знали.

«Изуменение ума»! — сказалъ Петръ Елисеевичъ.

«Изуменение? прекрасно! — согласился Савинковъ, — но для этого надо докторское свидѣтельство и не отъ А. А. Богданова, а отъ главнаго доктора въ Кувшиновѣ.»

А. А. Богдановъ ко мнѣ относился всегда ласково, бывало, придетъ кто изъ Кувшинова и мнѣ отъ Александра Александровича конфету : не забывалъ. Мнѣ кажется, онъ искренно вѣрилъ въ мое «изуменение». Ободренный, я поѣхалъ въ Кувшиново, меня тамъ освидѣтельствовали, и главный докторъ подписалъ бумагу. А съ этой «изумительной» бумагой Щеголевъ и Савинковъ пошли къ губернатору Клязеву. И чего они про меня рассказывали, а должно быть крѣпко и упористо, губернаторъ согласился : онъ меня оставитъ въ Вологдѣ, но съ условіемъ — «подъ присмотръ Щеголева и Савинкова».

Такъ я и остался въ Вологдѣ и два года до послѣдняго дня ссылки, пахоясь подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, прожилъ подъ негласнымъ — Щеголева и Савинкова.

*

У меня всегда были царскія замашки. Въ рапишемъ дѣтствѣ въ Москвѣ я щедро раздавалъ счастье — я хлопалъ моею лѣвою, отмѣченной счастьемъ, рукой по рукѣ всякаго, кто бы ни попросилъ; потомъ въ играхъ — въ игрѣ «въ казаки-и-разбойники» я раздавалъ бумажные ордена и медали; забывъ, чѣмъ наградила я, очутившись въ Пензѣ, Сергѣя Алексѣевича Баршева, др. Куриллу, Иннокентія Васильевича Алексѣева и Горвица, и не помню, имѣются ли какіе знаки отличія у Биркенгейма и Горяинова — теперь я выдаю «обезьянці» жалованныя грамоты съ печатями, а въ Вологдѣ писалъ заживо некрологи.

Всякій, отбывшій срокъ ссылки, въ канунъ отъѣзда устраивалъ прощальный вечеръ, я заготовлялъ некрологъ, а П. Е. Щеголевъ, большой искусникъ «выразительнаго чтенія», читалъ пол-

нымъ голосомъ, отчетливо выговаривая всѣ буквы по-писанному. Некрологи я писалъ на листѣ въ видѣ свитка съ закорючками и завитками. Прощальные вечера обычно устраивались у В. А. Жданова. За годы мало чего сохранилось, «покойники» теряли «некрологи», какъ «кавалеры обезьяньего знака» теряютъ свои обезьяньи грамоты, но кое-что уцѣлѣло.

Если что не такъ или перепуталъ, прошу «прощады».

1.

ПАВЕЛЪ ЕЛИСЕЕВИЧЪ
ЩЕГОЛЕВЪ

— *потомственный почетный академикъ* —

Синіе льды проплыли по Бѣлому морю, и весенніе стальные вѣтры, отбушевавъ, сипяще, забились въ ледяныя пещеры до будущаго года. Вздулся лопухъ, а острый запахъ крапивы, какъ лѣтомъ: ходи съ оглядкой! Опушились одуванчики, и какіе еще цвѣты, все отцвѣтаетъ. Среди бѣла-дня и желтой, какъ самоваръ, «бѣлой» ночью свистятъ пароходы свище гама, грохота и колоколовъ, а ужь орутъ — затыкай уши! — а то такъ запоетъ и столько въ нихъ пѣнія соблазну, такъ бы и съѣлъ налегкѣ и уѣхалъ, а куда — все равно. А вотъ и нельзя! Заря съ зарей — вечерняя и утренняя — и нѣтъ начала дня и конца ночи. А земля послѣ ледяной зимы, какъ ударило — первый громъ! — распарилась и безъ отдыху, безъ просыпу и день и ночь громка. Въ желтомъ безотбойно свуетъ и зудъ — комары.

Въ такую ночь ятъ сна. Шторы завѣшаны, заткнешь все скважины, завернешься съ головой, а въ ухахъ : зуу-зумъ — комары.

*

— —у Спасителя ударила полночь. И отъ звона я какъ очнулся. Смотрю и не вѣрю : «Золотой Якорь», какъ на яву, а не тотъ — и выше (17-ть этажей), а главное — весь задрапированъ черными флагами, а въ окнахъ блѣдные огоньки. И комаръ точить ночь заунывно.

Я позволилъ. Открываютъ дверь.

— Что такое, — говорю, — эти флаги и свѣтъ?

И вижу, не швейцаръ это, а самъ Константинъ Лукничъ «оверъ».

— Павелъ Елисеевичъ... — Константинъ Лукничъ говоритъ шопотомъ, но внятно, — Павелъ Елисеевичъ приказали долго жить.

— Что вы говорите — — ?!

— Нексповѣдимо.

Тутъ подошелъ Николай съ салфеткой :

— Покушали они — сказала Николай, — зубокъ и разболѣлся. Позвали меня : «Эхъ, говорятъ, Николай, подай мнѣ мадеры въ почки, съ зубкомъ смерть, свѣту не вижу!». «Слушаюсь, говорю, Павелъ Елисеевичъ!». Да скорѣе въ буфетъ. А они безъ меня прилегли на диванчикъ, руку подъ головку и тихо преставились. Вотъ и ихнія калоши.

Въ прихожей, дѣйствительно, глядя въ стороны, стояли внушительныя калоши — приманка прокурорской собаки : собака вышла изъ угла, потянулась и, ласково, обнюхавъ, загребла погой.

— Цыцъ! — не голосомъ, оцѣтнинившись, усами цвѣнулъ Николай на собаку.

— И больше ничего не осталось?

— — —

Собака недовольно отошла въ уголокъ.

Николай молча покачивалъ головой — — и вдругъ какъ за-
вудить — зуу-зумъ — комаръ!

И поспѣшилъ на верхъ. И тамъ всѣ двери и полъ черный.
И №1 — мѣсто веселыхъ сборищъ — задрапированъ чернымъ.

— Запятъ?

— Никого нѣтъ! — Колстатянъ Лукичъ, какъ Николай, по-
качивалъ головой, — «на блеярдѣ» ушли играть : и Василій Хри-
стофорычъ Бѣлозеровъ, и Владимиръ Анатольевичъ Ждановъ, и
Борисъ Викторовичъ Савииковъ.

Я пропелъ въ №1. Заказалъ въ память покойнаго джиджи-
ру. И сѣлъ одинъ. Было очень тихо, никакихъ комаровъ, точно
на томъ свѣтѣ. И въ памяти моей тихо прошли — день за днемъ —
дни изъ этой жизни, невозвратимые.

•

— — вонъ диванъ, на немъ Николай Александровичъ Бердяевъ
не безъ игры декламировалъ «одного не доставадо...» — стихъ
изъ «Царя Никиты»; вонъ столъ, на немъ Аггей Андреевичъ Ма-
делунгъ выплясывалъ какой-то неподобный датскій танецъ коня;
а вонъ оттуда Соломовъ Леонтьевичъ Сегаль, разувшись (лѣтомъ
особенно жметъ мозоль!) подавалъ свои острые реплики; а тутъ
— гдѣ сажу я — саживалъ самъ Павелъ Елисеевичъ! Какъ сей-
часъ вижу — — брѣтосе его лицо, хитро раздувающіяся ноздри,
подвитую гриву крѣпкихъ воронежскихъ волосъ и изъ-подъ пансиэ
безстыдные глаза : «свобода, смѣлость и дерзость!» — говори-
валъ покойный.

«Свобода, смѣлость и дерзость!». Первая моя вологодская
встрѣча — Павелъ Елисеевичъ! Квартирная хозяйка Юлія Ива-
новна, мастерица печь пироги и варить варенье, угостила яич-
ницей. Яичница-глазунья — это къ хорошему! А потомъ чай
съ душистымъ поляничнымъ вареньемъ. А въ окно булавочная
звѣздочка къ бѣлой ночи — и это тоже не плохо.

«Я спелтикъ, — говорилъ покойный, поддѣвая съ лышадцей
сковородки неподдающійся яичный глазокъ, живой, какъ устри-

ца, — я скептикъ, а меня подъ-доску ташутъ! Вотъ и опять быть обыскъ!»

— — ѣдемъ по Вологдѣ на лодкѣ, за нами луна — широкий ключъ — а не догонитъ! Лунная почъ — паходчивый и хитрый интервьюеръ, разговоры — автобіографичны.

«Павель, говаривалъ мнѣ покойный отецъ, — рассказываетъ покойный повѣсть своей жизни, — Павель, учись на трубѣ, толкъ изъ тебя выйдетъ!»

Николай Александровичъ въ лунномъ осіяніи любитъ своимъ отраженіемъ.

— — весь день, какъ много дней, африканскій зной, и только въ вечеру, когда только и можно дышать, выходимъ на волю и медленно идемъ по досчатому тротуару къ Собору на набережную: тамъ фруктовые ларьки дожидаются покупателей — груши, яблоки, сливы, виноградъ, смородина, арбузы, чего хочешь! Съ пятифунтовыми пакетами усаживаемся на перилы набережной.

«Въ гимназін, бывало, — рассказываетъ покойный, — на споръ пирожныи ѣли: кто больше съестъ? Я всегда вытравлялъ.»

Рефератъ. Читаетъ А. А. Богдановъ. Онъ въ черной рубашкѣ, подстриженный и такой аккуратный, точно изъ бани, и листки передъ нимъ мелко исписаны безъ помарокъ. А читаетъ онъ что-то мудреное — «энергетическій методъ». Слушателей полная комната. И въ сѣняхъ не протолкнешься. Всѣ въ сборѣ. Кончили. Выбираютъ предсѣдателя. Конечно, Павель Елисеевичъ.

«Павель Елисеевичъ, вась предсѣдателемъ!»

А покойный, какъ сейчасъ вижу, на ступенькахъ лѣстницы въ сидячемъ положеніи, и никакіе аплодисменты не смутятъ его мирнаго безмятежнаго сна.

«Ну, еще бы, — объясняетъ Юсифъ Александровичъ Давыдовъ, — они съ Ремизовымъ пудъ грушъ съѣли!»

— — покойный связъ рубашку, повѣсилъ на гвоздикъ. Въ

купальнѣ оиъ занялъ всю скамейку, а на краешкѣ насть трое : я, Соломонъ Сегаль и лѣсотерговецъ Гиршъ. На подсыхающемъ полу играетъ солнце — по щелястой стѣнѣ бѣгаютъ зайчики. Павелъ Елизеевичъ, не торопясь, погрузился въ воду — поднимаются волны, купальня ходуномъ пошла, какъ въ бурю.

«Эхъ, — не выдержалъ Соломонъ, — Россія!»

«Да, — одобриеть сосѣдъ, — «Апгарецъ!»»

И оба, прикованные, слѣдятъ за пловцомъ : съ намыленной головой покойный плыветь. Въ купальню набрались любопытные : не купаться, а посмотреть. Они виновато жмутся къ стѣнкѣ : они опоздали! Только бы не унустить, когда выходить будетъ —

«Засима и Савватій!» — подхватываетъ Гиршъ.

Покатилася головка,

Покатилась голова...

На столѣ Кроновская мадера съ оборванной голубой ленточкой. (Увы, архангельскаго Тенерифа больше не достать!). Покойный всталъ изъ-за стола послѣ обѣда и предается пѣнію :

Поклонился оиъ народу,

Помолился на соборъ...

И, когда разбойничья кончится, начинается представленіе : сѣменя ногами, какъ въ опереткѣ, Павелъ Елизеевичъ ходитъ по комнатѣ и одинъ ходитъ, а какъ будто и стулья и столъ и посуда— «Вснера любить смѣхъ, всееліе для всѣхъ» — и начинаеть хототать да съ такими раскатами и такъ заразительно, стѣны трясутся. И вдругъ — грохъ объ полъ :

«Доктора! Позовите мнѣ доктора! — и такъ плачевно и жалостно : — гдѣ докторъ!» — сосѣди сбѣгались.

Я изображаю доктора : я сажусь на покойнаго и мну и трясу его за голову и кулаками и колѣнкой, а оиъ будто померъ.

«Померъ! — объявляю, — сердце не бьется, всѣ средства напрасны, конецъ!»

А онъ опять на ноги и еще прыгче, а смѣхъ еще пуще, ну, ржетъ.

— — —

Вологодскій театръ. Бенефисъ Стоянова (Стояновъ — антрепренеръ и режиссеръ). Что бы такое придумать для бенефиса, да такое, чтобъ не только въ Вологдѣ, а и по всей Россіи шумъ?

— Это можно, — говоритъ Павелъ Елисеевичъ, — придутъ два француза изъ Парижа изъ «Théâtre des Arts», поставимъ Метерлинка, электрическихъ свѣчей 20.000!

«Павелъ Елисеевичъ! — Стояновъ на все согласенъ : французы изъ Парижа, Метерлинокъ, это не шутка! — Павелъ Елисеевичъ, въ городъ нѣтъ электричества!»

«Такъ Аркадій Павловичъ проведетъ.»

(Аркадій Павловичъ Смирновъ — почтовый чиновникъ, мой сосѣдъ, живемъ у одной хозяйки, страстный охотникъ, но къ электричеству никакого).

«Ну, если Аркадій Павловичъ — —»

Стояновъ такъ повѣрилъ, что я и Павелъ Елисеевичъ — «приѣзжіе французы», почему же не повѣрить ему и въ электричество Аркадія Павловича?

Съ мѣсяць висятъ афиши — французы, Метерлинокъ и 20.000 электрическихъ свѣчей! Билеты распроданы. Полный театръ. После вызова — а публика требовала обязательно приѣзжихъ французовъ — полицеймейстеръ грозилъ прекратить. А ужъ поздно : афиша изъ Вологды попала въ Ярославль, изъ Ярославля въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и пошла гулять — вся Россія! — еще нигдѣ такого не бывало!

Чтобы ей угодить,

Веселій надо жить...

«веселій-веселій-веселій — (и грохъ) : Доктора!» — — (Док-

торъ) : «Сердце не бьется, всё средства напрасны, конецъ!»

На днѣ бутылки бѣдѣли одни кристаллы. Я поднялся.

— Записать? — проснулся Константинъ Лукичъ.

— Да — — на покойнаго!

И я вышелъ. И сталъ спускаться по черной унывающей лѣстницѣ : блѣдный, какъ Тяняковъ, прошелъ Бѣлозеровъ, промелькнуло каменное лицо Савинкова — —

— А какъ пѣлъ покойный! какъ пѣлъ!

2

ЮСИФЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ДАВЫДОВЪ

— *такъ что же такое, чортъ возьми, экономическій материализмъ?* —

— Юсифъ Александровичъ померъ!

— Давыдовъ — —?

«Давыдовъ, пиши!» — понукая, говорилъ П. Е. Щеголевъ. И Давыдовъ писалъ.

Вотъ онъ : сухой, на тонкихъ вытянутыхъ ногахъ, въ розовой сорочкѣ и желтыхъ ботинкахъ — и это лицо, издали напоминавшее портретъ Канта съ бородой; неизмѣнно записная книжка въ рукахъ : шурясь записываетъ.

Покойный не любилъ неяснаго и неопредѣленнаго.

«Шардонъ-съ, пожалуйста! — морщась, прижималъ ошь лѣвый кулакъ себѣ къ сердцу, — постулированіе абсолютнаго? все это безсодержательныя слова, *leere Wörter!*» — и тутъ же приводитъ какое-нибудь латинское изреченіе или излюбленное всѣми

философами: «это все равно, какъ если бы вмѣстѣ съ водой выплеснуть и ребенка изъ ванны!»

Я помню нашу встрѣчу: Иосифъ Александровичъ лежалъ на диванѣ у В. А. Жданова, въ рукахъ книга — скоро позовутъ чай пить! Я помню наши вечернія прогулки около Собора по бульвару: перешагнувъ черезъ Аведариуса и Маха, покойный настойчиво требовалъ признанія «злого начала» — дьявола.

Обладая даромъ ясновидѣнія, однажды позднимъ вечеромъ по дорогѣ въ «Золотой Якорь» къ Н. А. Бердяеву, Иосифъ Александровичъ упалъ, и, когда затворилась за нами дверь №1, онъ попросилъ чаю и даже безъ лимона.

Отличаясь трудолюбиемъ, покойный тихо скончался за параводомъ съ нѣмецкаго.

3

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ
ЮНОВЪ

— *статистикъ* —

Да, не сирота всю свою жизнь Юновъ посвятилъ изученію «женскаго вопроса». И дядя Яша Принцевъ и Basile Vadouline отдали ему первенство надъ всѣми румянцевскими статистиками.

Покойный появлялся незамѣтно, сторбившись, покашливая, зимой въ башлыкѣ и съ подвязаннымъ горломъ, а говорилъ попоткомъ и сразу плѣнялъ. Говорять, Николай Александровичъ Бердяевъ даже рассердился.

Я помню व्यюжные устьемьсольскіе вечера, въ окно мечутся «кутьи-войсы» — ихъ бѣлое царство! Я помню синія осеннія сумерки и изъ сумерокъ оловянные глаза подпольнаго «быбули»! Я помню красный июльскій зной и изъ колосьевъ васильки «полевицы»! Я помню весенній прилетъ птицъ и шелкъ «кикиморы»!

— покойный все хотѣлъ привятыся за какое-нибудь систематическое изученіе, онъ мечталъ овладѣть всѣми отраслями знанія и, наконецъ, остановился на фотографіи.

Сердце у него было доброе, улыбка насмѣшливая : посвистываетъ сквозь зубы и ухмыляется.

Миръ праху твоему! Твой сломанный тяжелый револьверъ, съ нимъ ты не разставался, останется памятью о твоей незлобности.

4

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ
МУКАЛОВЪ

— морякъ, рыцарь и герой —

— Не хо-ро-шая тутъ жизнь! не хо-ро-шая!

Борисъ Викторовичъ, разставляя буквы, долбилъ. Пообѣдавъ въ кредитъ, шли мы за добычей : денегъ ни у кого не было, Павелъ Блиссевичъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

А была весна, и чего-то, какъ весной бываетъ, тянеть. Самому посѣдливому не усидѣть, а ужъ такимъ, какъ Савинковъ, вотъ онъ все и сердился.

— Борисъ Викторовичъ, а когда придетъ революція, — я продолжалъ обѣденный разговоръ, — и вы начнете вводить социалистическій строй, куда вы меня дѣнете? — и самъ подумалъ : « въ самомъ дѣлѣ, куда меня суутъ съ моимъ «не подо что»? »

Савинковъ не сразу отвѣтилъ, потомъ вдругъ перекосившись, насмѣшливо и твердо :

— Въ каталашку.

Мы шли молча.

«Но вѣдь вамъ безъ меня будетъ скучно!» — хотѣлъ я ска-

зять и подумаль : «вѣ каталашку — это милость, вѣдь могло бы быть и покруче.»

— И никогда не выпустите?

— — —

Мы подходили къ часовому магазину Сегаль. Какой-то матросъ съ «Сухоны» остановилъ насъ :

— Штурманъ померъ! — сказалъ матросъ.

— Какой штурманъ?

— Да Мукаловъ Николай Константиновичъ.

— Не можетъ быть!

Я не хотѣлъ вѣрять — «Мукаловъ что-нибудь придумаетъ и выручитъ!» — пѣтъ, это никакъ невозможно.

Я сдалъ Бориса Викторовича Москъ, брату Соломона, а самъ скорѣе на Ивановскую.

И что же вы думаете — матросъ оказался правъ и послѣдняя моя надежда рухнула! — покойный, какъ сидѣлъ, переписывалъ «Разрушенный моль», такъ съ перомъ въ рукѣ и застылъ. И мнѣ оставалось только сказать падробное слово :

«Мукаловъ! Геройскій человекъ! на твоей гордой головѣ торчали вихры, а бородка твоя колышкомъ, и ты налеталъ ястребомъ. Тебя знала вся Вологда и всѣ любили. Вытащить изъ Яренска въ Вологду, безъ тебя не обойдешься, или отыскать работу — ты поможешь. Ты входилъ съ самую толкучку и выходилъ чистымъ. А какъ тутъ не поссориться, когда каждый считаетъ правымъ только свою «правду» и никого не хочетъ слушать. А къ начальству ты былъ беспощаденъ. Помнишь, когда провозжали Третьякову, ты крикнулъ : «Наплюйте на нихъ!». И Булаховъ, жандармскимъ

нюхомъ уловя смыслъ твоего крика, громко замѣтилъ : «Еще интеллигентны!» А вотъ № Сѣвернаго Брая. Читаю : какой-то неизвѣстный, катался на лодкѣ по Вологдѣ, кувырнулся и сталъ тонуть — «какъ вдругъ откуда ни возьмись, кievскій дворянинъ Николай Константиновичъ Мукаловъ...» Это ты появлялся вдругъ и спасалъ утопленниковъ. Николай Константиновичъ, у меня нѣтъ денегъ, понимаете, и надо во-что-бы-то-ни-стало —

— — —

И я остановился. И понялъ ,что это никакъ невозможно, и что всѣ слова на вѣтеръ. Я сдѣлалъ еще опытъ : взялъ со стола спички и положилъ себѣ въ карманъ, потомъ выпросталъ изъ его заколенѣлыхъ пальцевъ ручку — ну, хоть бы что!

Раскрытое окно — весна! — по весеннему зазвонно свистѣли паровозы : кто-то счастливый уѣзжаетъ.

Входитъ Вѣра Глѣбовна съ Таней.

— Вотъ полюбуйтесь, — говорю, — обмалужь!

— Померь?!

— Нѣтъ, — погрозила пальчикомъ Таня, — нѣтъ.

5

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЕРДЯЕВЪ

философъ —

(Мы жили такъ : на верху П. Е. Щеголевы, а я во дворѣ — сдала мнѣ Подосениха сторожку. А обѣдаемъ вмѣстѣ.)

Одному въ сторожкѣ жить хорошо, только холодно. Печка топится жарко, а вѣтеръ въ щели и подъ дверью; и пышетъ и вьюбъ.

Съ полдня мело, къ вечеру крутъ. И дверь не отворить; по утру разгребай зонатой! Закрылъ я трубу. А вѣтеръ и тамъ, трясеть вьюжкой, гудить — — И оканчивая переводъ Леклера «къ монистической гносеологii», собирався къ Бердяеву — безъ него не обойдешься: много мудреныхъ словъ, философы иначе не могутъ —

— суппониловать — субсумировать — предидировать —

*

Иду — заблудился. А мнѣ непременно надо къ Бердяеву! Повернулъ назадъ. Въ лицо еще рѣзче. Метель крутить. И черно: японская тушь и хлѣсть бѣлымъ. Какія-то «женщины съ моря», поровнявшись со мной: «Умерь! умерь!» — кричали. И голоса ихъ сливались въ метельную рыдь — «(Бер) — рдьяевъ-рдьяевъ!» И хоть бы гдѣ фонарь! «Всѣ огни потушены давно!» — голосъ Павла Елисеевича (изъ Бодлера). И опять: черныя, вопя, пронеслись: «Умерь! умерь!» И вдругъ все замолкло. Только изъ желобовъ робко падали капли. И глазамъ ясно: бѣлый пушистый снѣгъ, и на порогѣ моей двери Гедда Габлеръ: «Николай Александровичъ внезапно скончался!» — «Ну вотъ еще! навѣрно Ремизовъ сочинилъ!» А Гедда Габлеръ тихо заплакала —

•

— суппониловать — субсумировать — предидировать — — вижу темныя локоны безъ всякой кюафюры; глаза — по неостывшему асфальту солнечной рябью; смѣхъ — покойный смѣшно смѣялся. И только разъ, вступившись за одну изъ Гильды, онъ выбѣжалъ въ морозъ на улицу безъ шубы въ однихъ перчаткахъ и быстро махалъ своей увѣсистой японской палкой, норовя куда-ни-попало по «мерзавцу».

Есть такое въ жизни: «какъ надо» (по другому «мѣщанство») — оно убиваетъ всякую радость жизни. Я встрѣчалъ такъ

воспитанныхъ людей — безъ всякаго порыва и «безумія»! они проходятъ жизнь ровно (должно быть, и спокойно) — во-время встать, во-время ѣсть, ну все, «какъ надо»! за нихъ не страшно, но какая скучища, однимъ своимъ видомъ — «трезвость, осторожность, расчетъ» — они вносятъ мертвую скуку! Въ покойномъ и намека не было на такое, вотъ ужъ кто всю жизнь прожилъ безъ всякаго «какъ надо», и оттого съ нимъ всегда было легко и уютно его смѣхъ — «смѣшино смѣялся».

Сколько народу онъ возьметъ съ собой въ могилу! Видѣ всѣ эти «женщины съ моря», всѣ эти кричащія въ метель, съ отчаянія спѣшили за ядомъ въ аптеку къ Гальперину. И кто его замѣнитъ? Самъ Лудочарскій не въ силахъ затопить своимъ обильнымъ краснорѣчіемъ разверзшіяся бездны: «бездну верха и бездну низа».

«Миръ тебѣ! Пусть тамъ за гробомъ — —»

Перекликались пѣтухи. Скоро кончится ночь. Я заглянухъ въ окно. А небо чистое! — звѣзды.

И вотъ, глядя на звѣздное небо, точно въ первый разъ увидя, я понялъ, что звѣздное небо — это то же, что наша земля, и оно для земли (и увы, для тѣхъ, кто поступаетъ «какъ надо»!). Лучшее сравненіе, пожалуй, звѣздъ съ смѣлемъ, а звѣздное поле — небесное поле. И вотъ ужъ никакъ не скажешь, что есть какой-то тамъ «духъ», итѣ, это зримое, почти осязаемое глазомъ — эти льющіеся блестящіе сперматозоиды, носители жизни, это кровь въ ея чистѣйшемъ видѣ.

«Николай Александровичъ, — вы слышите! — ей Богу, я что-то не чувствую и никакъ не могу себѣ представить ни ангеловъ, никакой силы безплотной тамъ, ну, что хотите... и гдѣ хотите, только не на этихъ — нормальнѣйшихъ, «какъ надо», небесахъ!»

6

ИВАНЪ АКИМОВИЧЪ
НЕКЛЕЦАЕВЪ

*— авторъ многочисленныхъ, не увидѣвшихъ свѣтъ, изслѣдова-
ній по земскому вопросу —*

Такой законченности и цѣльности, ну, у кого ни возьмите, все будетъ не такъ, нѣтъ, это какъ вылитый отъ имени до голоса : «Иванъ Акимычъ Неклецаевъ!» — весь добрый, мягкій, приятная улыбка, нѣжный голосъ и румянецъ («какъ свѣжее пирожное, забытое въ витринѣ!»)

15 лѣтъ прожить въ ссылкѣ — въ Великому Устюгу и Вологдѣ!

15 лѣтъ мечтать о Парижѣ!

15 лѣтъ въ осеннія лунныя ночи томиться у окна! (весеннихъ на сѣверѣ нѣтъ).

Ради Ивана Акимыча я переловилъ бы всѣхъ курскихъ соловьевъ и въ клѣткахъ перевезъ бы въ Вологду на бульваръ и въ садикъ; ради Ивана Акимыча я посадилъ бы на каждомъ перекресткѣ музыкантовъ, и пусть бы въ теплую погоду (никакѣ можно простудиться!) они играютъ задушевные мелодіи...

Ночью, у фотографа : всѣ собрались сниматься, нѣтъ Ивана Акимыча. Ждемъ. Наконецъ явился : весь сіяетъ — надушенъ одеклономъ. («Иванъ Акимычъ, какая жалость : на фотографіи вѣдь этого не выйдетъ!»)

Еще мнѣ вспоминается весенній вечеръ (накапунѣ роковая ночь!) Я засталъ покойнаго за самоваромъ : онъ только что вернулся изъ бани и пилъ чай съ малиновымъ вареньемъ. У него сидѣлъ гость — «другой боецъ погибшій — Давыдовъ». И, вспоминая, Иванъ Акимычъ улыбался и тужилъ, «что поздно такъ вкусилъ отъ зла».

Послѣднія слова покойнаго :

— «Въ коня вѣки разъ» — и — «по мѣрѣ возможности».

ЗОЯ ВЛАДИМИРОВНА
АЛЕКСАНДРОВА

— *лестляфтничка* —

Это было въ тотъ годъ, когда Луночарскій исписалъ всю бумагу Поди, а Павелъ Елисеевичъ не окончилъ и клочка чудомъ уцѣлѣвшей промокашки, а на запросъ Академіи Наукъ отвѣчала неопредѣленно: «шлите бумагу.»

Это было въ тотъ годъ, когда часто собирались собранія и говорилось по-много —

— а гдѣ-то далеко казнили человѣка —

Вологдою правилъ тотъ самый — что издалъ постановленіе, запрещающее смыльнымъ посѣщать пристани и вокзалъ. (Пристани и вокзалъ — сколько въ нихъ надежды! и ждать, хотя бы никого — большое развлеченіе!)

Вожди ковали другъ на друга тугіе ошейники, и каждый умаялся своей «правдѣ» —

— а гдѣ-то далеко казнили человѣка —

Сказывали на пристани, будто Н. И. Малининъ подъ руководствомъ А. А. Богданова обсуждалъ съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма «желательное» и «нежелательное» съ тѣми, «кто говорить не можетъ»

Жандармскій Булаховъ и прокуроръ Слетовъ «веселились», забирая Зюковыхъ и открывая гениальныя «прятки» Поморцевыхъ.

Всѣ были довольны:

Борисъ Эдуардовичъ спилъ себѣ фракъ,

Луночарскій женился,

у Отто Христіановича обнаружилась широкая русская натура,

Суворовъ и Малиновскій по прежнему стрѣляютъ въ доску.

*

Осеннее утро. Сентябрь. Самая пора «новаго лѣта». И хорошія заботы. И чего-то грустно. Но никакихъ сновъ. Все здѣсь, на этой землѣ, гдѣ самыя свѣжіе и крѣпкіе цвѣты — пунцовыя и блѣдно-фіолетовыя астры, и подъ этимъ небомъ, гдѣ горятъ самыя яркія звѣзды.

— Я влѣзу! — слышу за окномъ голосъ.

— Пѣзьте.

— Я влѣзъ.

Въ плацѣ, изъ котораго торчали рыжіе крѣпкіе усы, въ рукѣ удочки, стоялъ передо мной Николай Михайловичъ Юновъ.

— Идемте, насъ ждутъ! — сказалъ онъ глухо и пошевелилъ усами.

И я подумалъ : «быть бѣдѣ, не проста и плащъ, и удочки!»

Мы вылѣзли черезъ окно и шли по ясной улицѣ (вчера былъ дождь) — свѣжо.

- Тутъ, входите! — также глухо сказалъ Юновъ и пошевелилъ усами.

Спотыкаясь о калоши, мы спустились куда-то въ подземелье.

Это была домъ Кириина - - «Колонія» — но перегородки комнаты были сняты. Длинная и узкая, какъ корридоръ, комната была полна пароду. Сквозь дымъ я различилъ бороду Луначарского, но голосъ Бориса Викторовича : Савинковъ рассказывалъ о послѣднихъ дняхъ Балмашова.

- Рабочіе должны быть жадины! — прорѣзалъ чей-то крикъ.

А изъ наступившей тишины зазвенѣло :

— Она умерла — она умерла — —

Малининъ или Щербаковъ, не разбираю, говорить о высылкѣ кого-то въ Яренскъ и предлагаетъ въ видѣ протеста всѣмъ ѣхать въ Яренскъ.

— Въ Яренскъ! въ Яренскъ! въ Яренскъ!

И сквозь крики, какъ колокольчикъ :

— Она умерла — она умерла — —

*сами набьемъ мы патроны,
къ ружьямъ привинтимъ штыки...*

Три голоса затянули въ унисонъ зловѣще, и комната какъ запрыгала, и густой дымъ заволокъ лица.

— Вотъ она! — глухо сказала Юновъ.

И я увидѣлъ : кровать, надъ кроватью Марксъ, а подъ нимъ покойница. Я наклонился —

— Зоя Владимировна!!

И меня какъ отшвырнуло :

— Убирайтесь! — сказала толстымъ голосомъ покойница, — кажись, и раньше я васъ осаживала!

Дядя Яша хлопалъ.

А я полѣзъ въ окно — —

И опять эта золотая осень! свѣжее утро переходило въ ясный день.

8

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ
ЩЕКОЛДИНЪ

— *старецъ* —

«Подстрекозъ!» — такъ окрестилъ смутьяна Федоръ Ивановичъ Щеколдинъ, человекъ учительный и верховой.

Съ тѣмъ и пошло, и такъ привилось, что ужъ по фамилии его никто не звалъ, какъ ся и не было у него, а было всегда : «Подстрекозъ!» Ну, а онъ ничего — посмѣивается. И кто его знаетъ, что эта улыбка его означала, только никогда не обижался.

Придешь къ нему, сидитъ, бывало, носомъ въ книгу : любилъ книгу — и за годъ комната его прибралась, что библиотека. Тоже и спросишь о чемъ, толково отвѣтитъ. И бывали вечера, собе-

рутся гости, и все по-пугному, примется какую чудную исторію разсказывать. А пройдетъ день и другой, и онъ такое тебѣ выкинетъ — и весь тутъ : «Подстрекозъ!»

Былъ въ Устьесольскѣ смыльный Шведковъ съ однимъ глазомъ — несчастный, глаза за работой лишился и при женѣ своей жилъ, въ родѣ какъ помогаль ей : если приходилось женѣ шитьемъ заиматься, машинку вертѣлъ! И такой, ну въ чемъ душа, а вотъ по этой части хлѣбомъ не корми. У Подстрекоза, какъ извѣстно, частенько и хозяйскія, и сосѣднія барышни, а Шведкову это на руку — ему, несчастному, около постоять, и то праздникъ! Вотъ онъ вечеромъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, чаще всего будто за книжкой (Маркса изучалъ!), увильнетъ отъ жены и притащится къ Подстрекозу. И войти-то войдетъ честь-честью, да только Подстрекозу-то все это извѣстно и, хоть и въ очкахъ, а все запримѣтитъ, да какъ, бывало, свистнетъ подрушнымъ (такіе всегда водились изъ своихъ же), а ужъ тѣ знаютъ, да на Шведкова разомъ, да все съ него срывомъ. И ужъ въ чемъ мать родила при всемъ честномъ народѣ визжитъ несчастный, тычется и ловить — чтобы какъ-нибудь прикрыть, потѣха!

Всѣмъ потѣха, отъ хохота кикиморой трясутся.

Былъ еще одинъ смыльный Штыкъ, такая фамилія Штыкъ, въ дѣлѣ своемъ дѣловой, тихій и работающій человекъ, и затѣялъ онъ на своемъ подневольномъ досугѣ завяяться какимъ-нибудь научнымъ предметомъ. (Всѣ мы скука-ради въ селкѣ для собственнаго развитія за что-нибудь ученое принимались!) Вотъ Подстрекозъ и взялся за Штыка, да вмѣсто того, чтобы научить человека по-русски грамотно писать, (вотъ ей Богу!) училъ его по-итальянски. Штыкъ несчастный изъ кожи лѣзетъ, старается, но и въ русской грамотѣ петвердый, взявшись за итальянскую, совсѣмъ съ толку сбился. И какъ, бывало, примется со своимъ учителемъ Подстрекозомъ по итальянски объясняться, со смѣха животъ надорвешь.

И много смѣялись, провождая дни и вечера.

Да, Подстрекозъ какую хочешь дурость надъ человекомъ сдѣлаетъ, не облизнется.

Тоже вотъ смыльный студентъ Салакинъ, былъ такой у насъ, большой сворщикъ или, какъ самъ величалъ себя и выставлялся, «общественный человѣкъ»: дома у себя самъ-другъ съ минуты не посидитъ, а какъ съ утра, бывало, выйдетъ и до ночи по знакомымъ пропадаетъ и все говорить — и какъ говорилъ съ одного, вотъ какъ! — не поспѣешь слова вернуть. И влюбился этотъ студентъ Салакинъ въ устьвымьскую учительницу Налимову, ну, и все, слышно, стоворено у нихъ было, и только ждуть, дай срокъ кончится и обвѣщаются. Конечно, дѣло велось въ большой тайнѣ, да развѣ утаишь чего и особенно въ такомъ дѣлѣ — Подстрекозу все было известно. И случилось, похваля Салакинъ куда-то въ Рязань къ родителямъ въ отпускъ по особому разрѣшенію (такъ не полагается!), пробылъ тамъ съ мѣсяцъ и благополучно назадъ вернулся. И дернула же его нелегкая чуть ли не съ парохода прямо къ Подстрекозу со своимъ разговоромъ.

Слушаетъ его Подстрекозъ часъ и другой и третій, да всего не переслушаешь, а перебить — поди перебей! — да все-таки какъ-то изловчился да въ передышку будто мимоходомъ:

«А слышали, — говорить, — Василій Васильевичъ, Налимова-то замужъ вышла!»

Василій-то Васильевичъ только глаза вытаращилъ — заплеснуло въ головѣ, сказать начого не можетъ.

«Точно не знаю, — Подстрекозъ облизнулся, — за Колесникова, кажется.»

А ужъ того, ровно варомъ: телеграфистъ Колесниковъ, дѣйствительно, придарялъ за учительницей!

«Оковчательно?» — только и пролепеталъ несчастный, да живо за дверь, да бѣгомъ.

И съ той поры — будетъ! — никакимъ разговоромъ къ Подстрекозу съ разговоромъ не затащишь: устьвымьская учительница, само-сбой, и не думала выходить замужъ, а Салакинъ Подстрекозу повѣрилъ и чуть не рехнулся.

Да то ли еще! Много мы видывали, не мало слышали, а боль-

ше того испытали : замутить, въ грѣхъ втянуть человѣка Подстрекозу ничего не стоило!

Спугала съ «наблюдающимъ»! Кормился такой наблюдающій при полиціи забитый человѣкъ Фыринъ : должность его провѣрять насъ, въ родѣ сысѣной, а дара сыщцакаго не было отпущено — прослѣдить, бывало, за нами то, что «подъ дозволеніемъ», а проворонить такое — того и гляди, самого въ шею прогонять. Съ этимъ-то Фыринымъ и началась всякая дурь и удадь. И ужъ самъ исправникъ Сократъ Дмитриевичъ кое-кому замѣчаніе сдѣлалъ, а безталаннаго сыщцака самого подъ надзоръ.

*

А скучное было житье въ Устьсысѣльскѣ!

Въ другихъ городахъ съѣдутся сысѣные и сейчасъ же другъ противъ друга суды начнутъ : все развлеченіе! А у насъ и такого не полагалось. И не потому, что некого — ну, того жъ Подстрекоза! — да судная орава, что суды подымаеги, совсѣмъ перепутанная тѣмъ же Подстрекозомъ, сама завязала вотъ по-куда!

Сядешь у окна — печка натоплена жарко — пригрѣешься и смотришь — — —

Въ окно — свѣтъ, и, пока глазъ хватаетъ, свѣтъ — ровный да такой бѣлый и лишь стороной по горизонту черный частоколь — лѣсъ, а въ лѣсу — медвѣди, а и сама Яга-Буроба свой собственный домикъ имѣеть на козьихъ ножкахъ, на бараньихъ ножкахъ : «тамъ ей попить, тамъ ей поѣсть, тамъ ей на косточкахъ поваляться!» Любо и вѣтру, у! выйдетъ, безрукій, по волѣ гуляетъ, крыши долои рветъ.

Конечно, кто испоконѣнно трудится на этой промерзлой землѣ, тотъ такъ свою жизнь поведетъ, ему не до скуки. За работой нешто скучаютъ! За работой — само дѣло! — и весело. А работу ты вездѣ найдешь : и въ аду найдешь, коли обживешься, а

не то, что тутъ среди снѣговъ и темн въ большую зимнюю пору и краткихъ бѣлыхъ, какъ день, ночей съ незакатнымъ солнцемъ. Ну, а такъ — пришлому человѣку, чужаку, ссыльному скучно.

Скучно — снѣгъ — пустынно.

Хорошо на возрастѣ лѣтъ въ пустынѣ пожить : подумать. Да опять же безъ работы и въ пустынѣ никакъ не справиться, и какъ пить дать, со спасительной-то «лѣтвицы» вотъ-вотъ сдувырнешся. Сама старцы, уходившіе доброй волей въ пустыню, прямо говорятъ, что въ пустынѣ безъ работы жить невозможно :

«Тамъ уныліе находить, — говорятъ страцы про пустыню, — и печаль и тоска велика!»

А вѣдь нашъ возрастъ — и думать-то намъ и раздумывать не о чемъ было : еще не было у насъ въ жизни ни «бѣлаго дня», ни «краснаго солнца», ни «блеклой луны», ни «частыхъ звѣздъ», ни «вѣщей полночи» — надо было до бы т ь ихъ! еще мы ничего въ жизни не сдѣлали! Дѣло намъ дѣлать надо бы было, не покладая рукъ, силы свои «расточать», землю стронть, людей смотрѣть да и себя не въ дуракахъ показывать.

И такъ худо — безвременно, да еще и дѣла никакого — совсѣмъ плохо.

И какъ осудить человѣка, коли другой разъ не выдержишь, да и поддашься — на удочку Подстрекозу попадешь.

И скажу не въ осужденіе, эта дурацкая участь не миновала ни единого изъ насъ : всѣ мы, такъ или этакъ, а въ наверзныхъ и озорныхъ его лапахъ побывали. И одинъ только старѣйшій изъ всѣхъ, Федоръ Ивановичъ Щеколдинъ, человѣкъ учительный и верховой, стоялъ твердо и неприкосновенно.

*

У всякаго грѣшки водились, ну, человѣческіе, а что касается Федора Ивановича, его ни въ чемъ не попрекнешь. И потрудился онъ немало на своемъ вѣку, съ народомъ на міру пожить : самъ научился и другого уму-разуму научить. И, живя онъ одиночно, былъ бы большой прокъ для него и въ этомъ нашемъ

«пустынною» житію : по спасительной-то лѣстницѣ исхитрился бы куда подняться! и, трудясь, за годъ дошелъ бы до «разсмотрѣнія дѣлъ и разсужденія». Да бѣда въ томъ, что не одиночно оны жили, а съ нами — насъ орава неприкаянныхъ всегда на глазахъ у него : тотъ клянчить, другой жалуется, третій нюнить, пятый бѣснуетъ, седьмой — Подстрекозъ! Зрителемъ да безчувственнымъ наблюдателемъ оны по совѣсти не могъ оставаться, вотъ и хороводился съ нами. И за нашимъ назоемъ ужъ о своемъ-то ему подумать и часу не доставало, развѣ что въ ночи.

За годъ ссылки сняскалъ себѣ Федоръ Ивановичъ всеобщее уваженіе. И самъ Сократъ Дмитріевичъ, если что надобно было — выходило ли какое распоряженіе отъ губернатора либо по собственному какому своему наказу — вызоветъ, бывало, изъ всѣхъ одного только Щеколдина. А если случалось какое недоразумѣніе по нашимъ дѣламъ, шелъ къ исправнику за всѣхъ ссыльныхъ старостой Федоръ Ивановичъ : всѣхъ насъ отстаивая и выгораживая. И на почтѣ имя Щеколдина стояло высоко и подпись его — да большимъ не удостовѣришь! Писемъ получалъ оны со всей Россіи и самъ часто писалъ, и по этимъ письмамъ почтмейстеръ Запудряевъ доподлинно удостовѣрился, что Щеколдинъ человекъ правильный. Да кромѣ того, по собственному признанію Запудряева, Щеколдинскія письма доставляли ему большое развлеченіе и «сердцу сладкую отраву.»

*

Федоръ Ивановичъ Щеколдинъ кореня костромского и рѣчь его округлая.

И какъ станеть, бывало, въ красный уголь подъ вербу —
«власы поджелты, брада Сергіева!»

«Эхъ, — подумаешь, — Федоръ Ивановичъ! стоять бы тебѣ въ старчевствѣ, проводить житіе въ пустынѣ среди полей и лѣсовъ Богу на послушаніе, человекнамъ въ наученіе. А какіе тамъ цвѣты цвѣтутъ, а какіе колокольчики! Жить бы тебѣ въ пустынной кельѣ у березокъ — благословенныхъ бѣлыхъ сестеръ!»

Федоръ Ивановичъ въ міру жилъ, съ нами : хотѣлъ устроить

нашу жизнь «совѣстно». Съ малыхъ лѣтъ задала ему въ душу отъ житій угодниковъ и подвижниковъ эта «совѣстность».

Федоръ Ивановичъ въ міру жилъ и, дѣлая прямое и полезное дѣло, видимое и понятное на «сей день», и, какъ всякій изъ насъ, ошибаясь и плутая въ выборѣ средствъ устранить этотъ тягчайшій «сей день», его бѣду, несправедливость и безсовѣстье, никогда не забывалъ заповѣданное отъ пустыня — «совѣстное», хранилъ пустынный завѣтъ :

«только черезъ «отреченіе» и «жертву» человекъ подымается духомъ для совершенія дѣлъ, направляющихъ нашу спутанную жизнь, не распутываемую домашними житейскими средствами — враждой и ложью!»

Такъ самъ онъ мнѣ однажды признался, когда я ему о пустынѣ — его любимыхъ колокольчикахъ да березкахъ, благословенныхъ бѣлыхъ сестрахъ, свои мысли вслухъ говорилъ,

Въ заботахъ о насъ проходила жизнь Федора Ивановича : ему хотѣлось собрать насъ, безнастушныхъ, растерявшихся въ безвременной жизни среди лещорской дебри о-бокъ съ медвѣдемъ да Ягой-Буробой.

И тутъ немало досаждалъ ему Подстрекозъ.

Какъ-то на Святкахъ, наткнувшись на озорное «обнаженіе» Шведкова и «на прочее содомское безстыдіе», отрясъ онъ прахъ отъ ногъ своихъ и больше къ Подстрекозу ни ногой.

*

Прошли Святки, прошла пора «золотого вѣнца», понаѣхали на маслену самовѣды съ оленями да съ оленюшками, и весной повѣяло.

Какъ почерпѣло вдругъ небо падъ бѣлой равниной — я никогда не видалъ такого чернаго неба и такого бѣлаго снѣ-

га! — да какъ завоегь въ лѣсу — ой, не Яга ль Буроба : окрещу дверь и окно! — ударили въ церкви по-великопостному, помянулось о Пасхѣ и все помирилось : скоро и Пасха!

И всѣ семь недѣль поста прошли мирно.

Что-то не слышать стало о подстрекозыхъ продѣлкахъ («омлѣшничкахъ», какъ говорилъ Федоръ Ивановичъ), ни разу за весь постъ не обнажали Шведкова, а таскался онъ по-прежнему языкомъ почесать, и самъ итальянскій языкъ на время былъ оставлень, а несчастный Штыкъ безъ итальянскаго понемножку пришелъ въ себя.

Или и самъ Подстрекозъ не такой сдѣлался?

Заглянешь къ нему : сидитъ у окна, съ бѣлобоями сороками разговаривать — сорокъё у него подъ окнами такъ и прыгаетъ!

Или и впрямь : и не только въ Чистый понедѣльникъ, а и во весь постъ бѣсу скучно?

Въ Великую субботу Федоръ Ивановичъ загодя зашелъ къ Подстрекозу уговориться вѣбѣтъ итти на заутреню въ соборъ къ Стефану Великопермскому.

Все на немъ было по-праздничному и только не умудрился подстричься.

Въ Устьсысольскѣ ни цырульниковъ, ни парикмахеровъ не водилось и, если бывала нужда, стригъ городской Щекутеевъ : весь постъ собирался Федоръ Ивановичъ къ Щекутееву, да что-то помѣшало.

— Позвольте, Федоръ Ивановичъ, да я вамъ бородку поправлю! — у Подстрекоза такъ глаза и загорѣлись.

Другой бы разъ Федоръ Ивановичъ, можетъ, и подумалъ бы : даваться ли? и не натворить ли Подстрекозъ бѣды какой? — но тутъ, подъ Пасху...

— Такъ съ боковъ развѣ немножко! — поглаживалъ Федоръ Ивановичъ свою «Сергіеву брадѣ».

И откуда-то въ мановеніе ока появился одеколонъ, вата и лудра; а за лудрой и ножницы — большія «редакціонныя» для газетныхъ вырѣзокъ, а маленькія — для ногтей.

Только бритвы не доставало.

— Ничего! — утѣшала Подстрекозъ и, кажется, больше себя, чѣмъ Федора Ивановича, — ничего, я вамъ маленькими ножничками чище бритвы сдѣлаю.

И еще что-то говорилъ такъ, несвязно какъ-то — и все чего-то поперхивался. Вдругъ на минуту исчезъ. Не предайся Федоръ Ивановичъ своему насхальному умиленію, тутъ бы вотъ и спохватиться! — время еще было. Вѣдь, что говорить, Подстрекозъ выбѣгалъ не за чѣмъ-нибудь, а просто-на-просто тихонечко выхохотаться: мысль о стрижкѣ — какую-такую бородку смастерить оиъ Федору Ивановичу? — занялась неудержимой игрой.

Стѣнного зеркала не было, Устьемьсьскъ не Парижъ, было маленькое стоячее, — его-то и поставилъ Подстрекозъ на столъ противъ Федора Ивановича. И хотъ Федоръ Ивановичъ никакъ себя поймать въ зеркалѣ не могъ, а все-таки сидѣлъ передъ зеркаломъ, въ родѣ какъ по-настоящему. И все шло по-настоящему: подвизалъ ему Подстрекозъ бѣлое — бѣлую занавѣску, запихалъ подъ воротникъ ваты, щелкнулъ въ воздухѣ редакціонными ножницами — —

Быль девятый часъ — въ Соборѣ ударили къ «Дѣянiямъ».

— Вотъ одну минуту! — и заработали ножницы.

«Хорошо бы поспѣть къ Дѣянiямъ!» — подумалось Федору Ивановичу.

— И къ Дѣянiямъ успѣемъ! — стрекоталъ Подстрекозъ.

Работа кнѣзла.

И подъ нежничный неугомонный стрекотъ кнѣзлы воспоминавія.

Подстрекозъ припоминалъ свою московскую Пасху и, мыслью ходя по столбавымъ вѣлкамъ, заглядывалъ въ церкви, церковки, монастыри и московскія часовни.

— У насъ въ Кинешмѣ, — сдунулъ волосъ Федоръ Ивановичъ, — прочитають всѣ Дѣянiя до конца и начинается Полу-

нощница. И послѣ Канона, какъ унесутъ плащаницу въ алтарь, станеть до слезъ трепетно...

— — —

— Тогда игумень и съ прочими всященики и діаконы...
— истово, какъ по-писанному, словами «Ювскаго служебника», выговаривалъ Подстрекозъ подь ножничный стрекоть — —

«тогда игумень и съ прочими священники и діаконы облачатся во весь свѣтлѣйшій сань, и раздаетъ игумень свѣчи всей братіи. Параклисіархъ же вжигаетъ свѣчи и кандила вся церковная предъ святыми иконами, приготовить и угліе горящіе въ двоихъ сосудахъ помногу. И наполняютъ въ нихъ өміама благовоеннаго подовольну, да исполнятся церковь вся благовоенія. И ставятъ одинъ сосудъ посреди церкви прямо царскимъ дверямъ, другой же внутрь алтаря. И затворятъ церковныя врата — къ западу. И возьметъ игумень кадило и честный крестъ, а прочая священники и діаконы святое евангеліе и честныя иконы по чину ихъ, и иходятъ всѣ въ притворъ. И тогда ударяють напрасно въ камбанаріи и во вся древа и желѣзное и тяжкая камбаны, и клеплютъ довольно — —»

Подстрекозъ забралъ глубоко и изъ «Сергіевой брады» вытесывался помаленьку колышекъ подь Луночарскаго.

«Выходить же сѣверными дверями, впереди несутъ два свѣтильника. И, войдя въ притворъ, покладитъ игумень братію всю и діакона, предносящему горящую лампаду. Братія же вся стоять со свѣчами — —»

Время быстро бѣжало — «Дѣянія» окончилась — съ щелкомъ бѣгали ножницы : а еще только одна сторона бороды подчищалась, другая кустатая неровно.

«По окончаніи кажденія приходятъ предъ великія врата церкви, и покладить игумень діакона, предстоящаго ему съ лампадою, и тогда діаконъ, взявъ кадило отъ руки игумена, покладитъ самого настоятеля. И снова игумень, держа въ рукѣ честный крестъ, возьметъ кадило и назнаменаєтъ великія враты церкви, затворенныя, кадиломъ крестообразно и свѣтильникомъ, стоящимъ по обѣ стороны, и великогласно возгласитъ : «Слава святѣй единосущѣй и животворящѣй нераздѣлимѣй Троицѣ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ». И мы отвѣчаемъ : «Аминь». Начинаетъ по аминѣ велегласно съ діакономъ : «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, и сущимъ во гробѣхъ живеть дарова!» — трижды. И мы поемъ трижды. «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его». Мы же въ каждому стиху : «Христосъ воскресъ» — трижды. И скажетъ высочайшимъ гласомъ : «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть наступи!» — и, крестомъ отворяєтъ двери, ступить въ церковь. И мы, поущіе за нимъ, подхватимъ : «И сущимъ во гробѣхъ живеть дарова!» И тогда ударяютъ напрасно во вся дѣрева и желѣзная и тяжкая камбаны и клеплютъ довольно, — три часы!»

— «Три часы!» — протянулъ Федоръ Ивановичъ за Подстрезомомъ, выговаривая московскимъ «стоглавымъ» словомъ «Товскаго служебника».

И какъ въ отвѣтъ висзално ударило — ударилъ изъ ночи пасхальный колоколъ и покатылся — и катился разливной (вѣстница-туча!) надъ снѣгомъ, надъ лѣсомъ, надъ собственнымъ домомъ Яги-Буробы, надъ медвѣжьей берлогой — и катился — колоколъ-за-колоколомъ — по сыпучимъ снѣгамъ за Печору къ уральскимъ желѣзнымъ воротамъ за Камень.

Федоръ Ивановичъ поднялся.

— Ѳедоръ Ивановичъ! Ѳедоръ Ивановичъ, еще немножко!

Оставалось и вправду немножко : лѣвая сторона совсѣмъ была готова, и только съ правой все еще кустики грязѣли.

— Кустики срѣзать, и дѣлаю конецъ. Сію минуту!

Ѳедоръ Ивановичъ опять усѣлся.

Но если и у настоящаго парикмахера, гдѣ и бритва, и самъ автостропъ дѣйствуетъ, и то не одну папироску выкуришь, дожидаясь очереди, а ножницами — ножничками только съ перваго взгляда пустяки : отрѣжешь волосокъ, за нимъ другой, за этимъ третій — а ты попробуй-ка волосокъ за волоскомъ, да и не какъ-нибудь, а на-чисто! да и свѣту такого нѣтъ, одна лампа — одна лампа не обманетъ темную пасхальную ночь.

Молчкомъ трудился Подстрекозъ.

Время бѣжало, минуты летѣли, какъ вѣтеръ — безрукій дѣдь! Вѣтеръ — безрукій — разбуженный пасхальнымъ звономъ, леталъ за окномъ.

— Ничего-ничего, еще успѣемъ, — утѣшалъ самого себя Подстрекозъ, — ризы долго мѣняются, у насъ, у Николы-въ-Толмачахъ сто разъ батюшка на заутренѣ перемѣнитъ!

Ѳедоръ Ивановичъ сидѣлъ подъ ножницами — на себя не похожъ.

— Ничего-ничего, — утѣшалъ его Подстрекозъ. Златоустомъ: — «кто пропуститъ и девятый часъ, да приступить, ничто же сумняся, ничто же бояся, и кто попадетъ лишь въ одиннадцатый часъ, да не устранился замедлеція : велика Господня любовь! Онъ пріемлетъ послѣдняго, какъ и перваго!»

Ѳедоръ Ивановичъ сидѣлъ — на себя не похожъ : усь его необыкновенно тонкій и длинный и, если не поднять вверхъ, что-то въ родѣ Луночарскаго получается, а поднимешь—Мефистофель.

И усь когда зазвонили къ обѣднѣ (заутреню пропустили!), Подстрекозъ наконецъ-то отвязалъ бѣлую занавѣску, прошелся пуховкой по подбородку, сдунуль съ лица волосъ и такъ навелъ зеркало, чтобъ можно было посмотрѣться — —

— Что это? — Ѳедоръ Ивановичъ безаладежно потянулъ себя за бородку, — не понимаю!

— Кольшекъ.

— Ко-кольшекъ! — и безвадежно махалъ головою.

И пришлось усы кверху поддержать — пусть ужъ лучше Мефистофель! Подстрекозъ ему и закрутилъ ихъ, на кончикахъ тоненькіе — мышинный хвостикъ.

И вышли на волю : Подстрекозъ и «Мефистофель».

Въ соборѣ Стефана Великопермскаго звонили къ обѣднѣ.

Хлопьями летѣлъ снѣгъ, несло и мело. И въ крещенской крути со звономъ, съ желѣзомъ и тяжкимъ камбаномъ выла метель отчаянно — —

«Федоръ Ива-нычъ! Федоръ Ива-нычъ!»

9

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ
ДЕРЯГИНЪ

— *агитаторъ* ---

Домъ Пятновой особнякомъ прямо подъ вѣтромъ на берегу Сысола : живетъ Дерягинъ.

Зимой безъ огня зря не шатайся : вонь намедни въ банн возкъ затесался! А вѣтеръ свистять, освистываетъ домъ, выворачиваетъ съ рѣки бѣлыя широкия полосы — бѣлыя лыжи, подымаетъ столбомъ и, закаливъ въ поднебесной стужѣ, пускаетъ въюжнымъ гребнемъ на землю и ледяными зубьями расчесываетъ бѣлую землю — до пара, до синей вѣшни. Солнце такое красное послѣ долгихъ сумерокъ выходитъ на масленицу изъ морознаго дыма, какъ изъ жаркой бани, и наступаетъ весна. Пройдетъ ледь, зацвѣтетъ берегъ, заалѣетъ островъ и раскниется

мѣдная почъ : мѣдный свѣтъ все обнажить, выѣсть всякую тѣнь и чего только не скажется въ этой мѣдной почѣ! Весну смѣнить комариное знойное лѣто, а за краткимъ лѣтомъ ясная осень. Краснѣетъ брусника, тѣшится Лѣшій послѣдніе дни. «Коло-сомъ дорога!» закричатъ ребятишки, провожая гусей. Ну, кричи-не-кричи, не остановится, зимы не задержатъ. Ночь обычется звѣздами, постелятся млечный путь, затрясуть вѣтеръ голыя вѣтви — —

Налѣво пойдешь — много верстъ — одинъ снѣгъ. Направо пойдешь — много верстъ — одинъ снѣгъ.

*

Дверь Дерягину отворилъ Козель.

Козель черный — въ валенкахъ.

Дерягинъ, протирая очки; весь въ снѣгу:

— Тамъ такое творится...

— А я васъ тутъ давно поджидаю, Андрей Петровичъ, ду-маю): и куда это могло занести въ такую пору? Почта пришла! Перечиталъ всѣ газеты. Миѣ, сами знаете, все пригодятся.

Козель — наборщикъ : читаетъ газеты, какъ печатникъ, критикуетъ шрифтъ, наборъ.

Дерягинъ поставилъ самоваръ, приготовилъ къ чаю и уса-дился къ столу за газеты : почта приходитъ не всякій день, а за метелью еще и задерживается, газеты — праздникъ!

Козель тараторилъ — —

Козла не любили : слоняясь изъ дома въ домъ, онъ разсказывалъ одну и ту же исторію о своей тюрем-ной жизни и что подѣлываютъ другіе товарищи.

— Я вамъ скажу, Андрей Петровичъ, по истинной правдѣ : все они, съ позволенія сказать, свиньи. И чѣмъ заняты? Имъ бы только пьянствовать. Кирилль съ Ѳеклой чѣмъ свѣтъ за драку. Казаковъ шамши завель, удавиться собирался. Къ жепѣ дѣвочка помогать ходить, рассказывала, сама видѣла. Подумайте, Андрей Петровичъ! пошелъ Казаковъ въ сарай, снялъ съ себя помочи, да на помочахъ прилаживается. Хорошо еще во время прихватили. Тоже кампанію водять, нечего сказать, хорошая : телеграфисты, писаря... А я, какъ старшій, я не могу слова сказать? Больно видѣть, Андрей Петровичъ, и въ тюрьмѣ двадцать два мѣсяца высидѣль!

Правда, другіе ссыльные были въ лучшихъ условіяхъ. У Козла не было работы и не могло быть : кавія тутъ типографіи! Слесаря и сапожники скорѣе могли найти, впрочемъ, заказы бывали такъ незначительны, возиться съ мелочами охоты нѣтъ : грошовыя починки подъ сталь мальчишкѣ, но никакъ не мастеру. И мастера сидѣли, сложа руки. Ну, и бывалъ грѣхъ. Трезвый Козель все это принимаетъ въ сердце, да еще и непочтительность...

— А интеллигенты! Бирюжкомъ знать викого не хотите, вы его и дома никогда не застанете! Тоже и Ревякина... Да нешто можно такъ: я, какъ рабочій человекъ, и потому, значить, толпа. Да какая же я толпа, сами посудите? — Козель ибушкомъ прощелся по комнатѣ, — разъ я толпа, я, значить, все: и дуракъ, и негодяй, и скотина. Женѣ тоже за кофточку второй мѣсяць не платить.

— А не скоро намъ отсюда! — говорить Дерягинъ черезъ газету.

— Мнѣ, какъ агитатору, — жеманится Козель, — сами знаете, Андрей Петровичъ.

Закинивъ самоваръ.

*

Дерягинъ собирався занять повогодній вечеръ чтеніемъ : онъ прочитаетъ разсказъ Глѣба Успенскаго «Выпрямила» или, по Козлу, «Выпрямляй». Онъ напомнитъ товарищамъ о ихъ прошлой жизни, такой непохожей на эту — съ дересудами и ссорой, онъ разбудитъ мысли — тѣ, что безпокоили ихъ и двигали —

«и развѣ они не правы? развѣ ихъ борьба не сама правда? Они хотѣли жить лучше — кто же не хочетъ жить лучше? Они вѣрили : добьются своего, побѣдятъ «старый міръ» и построятъ «новый». «Старый міръ» - бѣда и несправедливость; «новый» — рай на землѣ! И не отъ одного же отчаянія обрекали они себя на тюрьму и даже смерть.»

Дерягинъ читалъ — — и ему казалось, словами разсказа онъ передаетъ свою завѣтную мысль :

«Жертвой — человѣческимъ страданіемъ — будетъ побѣждать «старый міръ» съ его бѣдой и несправедливостью и тѣмъ закономъ жизни, по которому ты обреченъ на смерть, и поставитъ «новый міръ» смеловольный — рай на землѣ!»

— — —

Сапожникъ Казаковъ не громко, но внятно Козлу :

— — былъ у насъ одинъ сапожникъ Флотовъ, колбасу любилъ до страсти. «Что ты думаешь, спросили его, о раѣ, какъ ты его себя представляешь?» И Флотовъ, ухмыляясь, отвѣтилъ : «Рай? вто въ родѣ повсемѣстной нѣмецкой колбасной : ѣшь, нюхай и вжеть.»

Козель, прицѣлкнувъ языкомъ :

— — въ колбасныхъ ловко пахнетъ!

— — а еще былъ у насъ такой Лаврунь : хоть что хочешь сдѣлаешь надъ собой, смерть ему не страшна! Зашелъ у насъ споръ : кто изъ какой храбрости отважный? Онъ и говоритъ : «Хотите я вамъ сейчасъ нагишомъ въ муравейникъ сяду и, не

пиннуть, высижу четверть часа?» «Анъ, не сядешь!» «Анъ, сяду!» Отчаянный! Лѣзь-то у насъ рукой подать. Отправились на маевку. Нашли муравьиною кочку. И онъ себѣ такъ и плюхнулся въ кочку, какъ въ кресло. И они его, какъ есть, всего выѣли, самъ я послѣ осматривалъ...

Шорникъ Дупинъ съ другого конца :

— — муравей не бумажка!

Кто-то громко захохоталъ.

А Дерягинъ продолжалъ чтеніе, ничего не видя и не замѣчая, что творилось въ комнатѣ.

*

Комната набивалась гостями : это ужъ не свои, а съ хозьяйской — лятвовскіе гости; дверь была не заперта, какой-то одинъ зашелъ полюбопытствовать, а за нимъ другой, такъ и набралось. Отъ тѣсноты, должно быть, и хоть не кричали, а чтенія что-то не слышно.

По книжнымъ полкамъ и потолка лѣзь табачный дымъ и чадно спускался окурками. Чьи-то руки безъ туловища висѣли изъ дыма надъ столомъ : слипались и разлипались — лампа мигала. И чья-то нога, опять же самостоятельно, лебезя, ходила прямо на тебя — вотъ скувырнетъ книгу.

— Скажите, пожалуйста, какъ васъ зовутъ, милостивый государь?

Дерягинъ, не обращая вниманія, читалъ изо-всѣхъ!

— Я васъ гдѣ-то встрѣчалъ, милостивый государь!

— Вы господинъ Дерягинъ, позвольте съ вами познакомиться : я — Шудникъ.

Книга упала подъ столъ.

— Я ничего не понимаю.

— А я все понимаю : я — Шудникъ паспортствъ, и все ерунда.

Дерягинъ оторопѣлъ.

— Вы, какъ хозяинъ, эту ночь веселѣй... проведемте друзья.

— Ура! ура!

Должно быть, пробилъ полночь — наступилъ новый годъ : булькало, хлопало, пузырило, чокались.

Руки безъ туловища ловили Дерягила в, захвата, тащили въ разныя стороны.

— Обязательно, какъ хозяина, съ новымъ годомъ!

— Андрей Петровичъ! а-Андрей Петровичъ! мое приобретёніе : самъ-коптить-самъ-солилъ...

— Яичка-съ-яичка-съ!

— Колбасики, а-Андрей Петровичъ! самъ-коптить-самъ-солилъ...

Можетъ, намъ продолжать чтеніе?

— — —

— «Во пиру была — во бесѣдушкѣ!» — завизжалъ старушечій пьяный голосъ самой Пятаковой : она не ходила, а сигала посреди комнаты, размахивала судеей.

Пятова наплясывала прямо на Дерягина, какъ та нога безъ туловища, и вотъ зацѣпила незанятой лѣвой рукой и, проливая водку, полѣзла цѣловаться. Дерягинъ не сопротивлялся. Но ей мало показалось : она хотѣла еще и еще — липкій, беззубый ея ротъ тыкался въ губы — она старалась прикусить ихъ и подержаться, а лягушачій, опшареный водкой языкъ поровнилъ посласще всунуться.

— Ай-да бабка!

— Андрюшенька! а-Андрюшенька, ухъ! хвостомъ пройдуся-сверлять-тѣло-прыгаетъ, ухъ» да-во-пиру-была-во-бесѣдушкѣ!

— Андрей Петровичъ! а-Андрей Петровичъ! самъ коптить-самъ-солилъ... варенешкой-копченешкой колбасики пѣмецкой!

— Я васъ обидѣлъ, раз-дра-жилъ? Я, можно сказать... мы... пришелъ безъ позволенія чтеніе послушать, какъ какіе-нибудь свиньи-нахалы и тому подобное.

— Ну что жъ, что старуха!

— Я стыда не знаю, съ какой стати Богу молиться? Я — старуха?!

И, пожимая плечомъ, Пятнова опять зацѣпила Дерягина и молодецки чижикомъ закружилась съ нимъ по комнатѣ : Дерягинъ старался поспѣвать за ней, подпрыгивалъ мячикомъ — очки запотѣли, ничего не разберешь, только ротъ, сжимающійся, какъ резинка, летаетъ въ глазахъ красный, ошпаренный водкой, беззубый.

— Аля скачеть-али пляшетъ-али прыгаетъ, пойдемъ, Андрюшенька въ баню, ужь-пойдемъ-со-мною-въ-баню!

И не выдержала старая нога — со всего размаху грохнулась Пятнова, а на нее Дерягинъ — и изъ кокнувшейся сулен, брызнувъ, полилась водка по полу.

— Я васъ обидѣлъ, можно сказать, безобразный трущъ ужасный, я раз-дра-жилъ?

Откуда-то взялась веревка : стали веревкой скручивать Пятнову.

— Сволочь! цѣлую бутылку!

Завязывали крѣпко колѣвкой узелъ.

— Охо-хо, перенелаетый чортъ! — стонала несчастная Очковъ на Дерягинъ не было.

— — —

Накинувъ плащъ
съ гитарой подъ полюю...

— — —

И одинъ визгливый взявъ въ разрѣзъ всѣмъ голосамъ, муть и душа.

Пятнова, со связанными ногами, ползала по полу на цѣпкихъ рукахъ и плакала. А подъ гармонью Козель въ валенкахъ сѣменялъ отъ печки до полки, залихватски заводя ногу за ногу. А передъ Козломъ скакала Оекла, высоко задирая свою вязанную кофту и такъ скалила зубы, будто кусать сейчасъ кинется—шерстяныя сѣрыя паголки на ея толстыхъ погахъ разшвыривали калбасу. Въ кучкѣ у полки съ книгами, размѣстившись поудобнѣе, тишкомъ кусали нупокъ упившемуся Лунину — «для вытрезвленія». Руки безъ туловища тащили Дерягина —

— Вы, можно сказать, какъ хозяинъ, съ новымъ годомъ!

— Я — Пундикъ! — икаль Пундикъ, — а все понимаю, я — Пундикъ.

— Самъ-коптить-самъ-соллил, мое приобретѣніе...

Накинуть плащъ,
съ гитарой подь полюю....

И подь визгъ, топотню и выкрики хряснула гармонья : длинный съ рыжей бородой навалился всей грудью и вотъ не выдержала. Гавриловъ ударилъ рыжаго по головѣ. И тоненько заревѣлъ рыжий жалобно :

— Хочешь, я тебѣ всю рожу раскрою?

— Я Пундикъ! — икаль Пундикъ, и, проливая рюмку, жаловался, что онъ все понимаетъ и что нѣтъ для него ничего непонятнаго въ мирѣ, — я — Пундикъ!

Захмѣлѣвшая барышня, мѣрно ударяя кулакомъ по столу, растроганно объясняла полицейскому писарю съ крысьями усами, что жить ей тутъ невозможно.

— И пущусь я въ путь-дорогу прямо в-Австралію!

— Яичка-съ, яичка-съ — равнодушно отзывался писарь.

Кириллъ и Фекла, стоя на четверенкахъ другъ противъ друга, упрекали другъ друга. Пятнова со связанными ногами ползала по полу на цѣпкихъ рукахъ и плакала. А за ней Козель, вообразивъ себя связаннымъ, ползалъ въ валенкахъ, черезъ силу.

И вотъ какой-то Подстрекозъ взявъ перочинцу и, какъ та нога (самостоятельно), пошелъ прямо на тебя и перчилъ фдкимъ перцемъ, куда ни попало, всѣхъ, все. И хоть бы каплю холодной воды — одинъ глотокъ — — !

*

Звонили къ ранней обѣднѣ. По хлѣвамъ скотъ договаривалъ свой почной новогодній разговоръ по-человѣчьему. (Подь новый годъ скотъ разговариваетъ по-человѣчьему!). Метельный, какъ метельною прошла ночь, вставалъ новогодній день и торопился — чтобы прибавиться на «курячій шагъ». А не скоро намъ отсюда!

Алексѣй Ремизовъ.